

аборигенов, живущих вдали от культурных центров страны в нужде и лишениях, но непростительна для лидеров их политического движения.

Анализ ситуации, сложившейся в тех группах аборигенов, которые имеют определенные доли прибылей от добычи урана на их земле, показывает, что получение значительного количества денег влечет за собой отрицательные социально-психологические последствия. Поскольку не существует разумно разработанной системы распределения денег между всеми живущими на территории, где действует горное предприятие, создается атмосфера зависти, взаимного неудовольствия, распрей. Таким образом, разрушается тот коллективизм, на основе которого аборигены надеются осуществить свое национальное возрождение. Далее, коль скоро на территории одних групп есть крупные месторождения, а на территории других их нет, а долю прибыли получают главным образом «традиционные собственники» той земли, где действует горное предприятие, создаются условия для развития враждебности между соседствующими группами, что угрожает солидарности аборигенов в борьбе за свои права в масштабах штата и страны в целом.

У аборигенов, живущих вдали от европейских культурных центров страны, нет необходимых условий для хранения получаемых ими крупных сумм денег — нет, в частности, удовлетворительного банковского обслуживания. Да и сами аборигены в массе своей не умеют и не хотят копить и беречь деньги: то, что они получают, они, как правило, быстро растрачивают. Между тем источники их денежных доходов через 15—30 лет могут иссякнуть. Что же тогда останется? Изуродованная земля и нищета. Умение же довольствоваться малым, а также нормы взаимопомощи, коллективизм и иные традиционные ценности духовной культуры будут безвозвратно утрачены.

В этих условиях борьба против дальнейшего расширения сфер деятельности горнодобывающей промышленности на земле аборигенов — неотложная задача их движения за национальное самоопределение.

И. Ж. Кожановская

К ВОПРОСУ О РАНГЕ В ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ ПОЛИНЕЗИИ (на примере Тонга)

Когда речь заходит о характере полинезийских обществ, они рисуются воображению историков как типичный образец социально неоднородных структур, занимающих на эволюционной шкале некое промежуточное положение между типично эгалитарными образованиями классической первобытности и классовыми обществами. В советской этнографической литературе наиболее продвинутые из них — Гавайи, Тонга, Таити — атрибутировались даже как раннефеодальные. Строй же в целом — как сословно-кастовый¹. Но вне зависимости от формационной оценки разбираемых обществ (это сфера социально-экономического анализа) — все ученые единодушны в обрисовке полинезийской социальной структуры как иерархической, знающей — на любом архипелаге или острове — противопоставление благородных («общинникам»), а то и выделение большего числа групп; знающей развитый культ вождей, и, как минимум, — «двойной стандарт» во всем, будь то религиозные церемонии, сложный этикет, формы одежды, жилья, питания, или владение сокровищами знаний, секретами ремесла, или даже существование особых комплексов лексики. Все эти бросающиеся в глаза проявления социального неравен-

¹ См., например, Независимые государства Океании. М.: Наука, 1984, с. 105.

ства принято (в зарубежной историографии) называть стратифицированностью общества. Наличие неравноправных стратов (как бы их ни называли исследователи: статусные уровни, сословия, касты, ранги или классы) — общепризнанная черта традиционной полинезийской структуры. В основе такого рода стратификации лежит ролевая, функциональная дифференциация различных групп населения в процессе общественного производства.

Именно этот момент остается неизменным (деление на непосредственных производителей жизненных благ и тех, кто управляет производством, контролирует распределение и перераспределение продуктов, соответственно осуществляет власть и пр.), а степень выраженности подобной дифференциации населения может быть различной².

Однако этим не исчерпывается специфика рассматриваемых обществ. Люди в них не только относятся к разным стратам, но они внутри одного и того же страта могут занимать иерархически соподчиненные общественные должности и, следовательно, различаться по своим титулам; родственные группировки, к которым они принадлежат, могут различаться по старшинству; наконец, есть свидетельства о том, что и на индивидуальном уровне все люди ранжированы. Например, «в тонганской семье нет двух человек, равных по рангу»³. И все эти деления закреплены в самых разнообразных, но строго определенных проявлениях социальной жизни, иногда перекрещивающихся между собой. Если учесть, что кроме пронизывающих все иерархических представлений существуют еще различия в способе счета родства, наследования имущества, титулов, принадлежности к тому или иному страту, есть различия в распространенных тут типах систем родства, формах родственных группировок, то реальная картина полинезийской социальной структуры предстанет весьма сложной, вариативной и неоднозначной, даже запутанной.

Понимая всю притягательность построения простых и ясных моделей обществ, подобных полинезийским, и сознавая неизбежность схематизации действительности в процессе познания, приходится признать, что на известных этапах накопления научных сведений ранее приемлемые построения воспринимаются уже не просто как необходимо упрощающие, но как искажающие реальность. Вот почему, например, не может ныне полностью удовлетворить то понимание интересующего нас предмета, которое было предложено 30 лет назад С. А. Токаревым и А. И. Блиновым, имело хождение в 60-е годы и почти неизменным выглядит во второй половине 80-х⁴. Мы имеем в виду сведение характеристики общественного устройства Полинезии в XVIII — начале XIX в. к сословно-кастовому строю (вариант В. Р. Кабо — «сословно-иерархическому»).

Во-первых, те сословные схемы, которые нам рисуют, не всегда достоверны из-за противоречий, возникающих при сравнении источников (см. указ. раб. Н. П. Раввы). Н. А. Бутинов, например, в своей последней книге приводит без каких-либо оговорок следующий перечень тонганских стратов: «*Эги* — вожди, *матабуле* — их советники, *муа* — потомки и младшие родственники *матабуле*, *туа* — рядовые общинники, земледельцы (курсив мой. — И. К.)»⁵. Но известно, что этот список У. Маринера (1827 г.) оспаривается, по крайней мере У. Гиффордом (1929 г.), который добавляет к нему рабов (*хопоате*) и исключает муа (на том

² М. Д. Салинс предложил четырехступенчатую классификацию полинезийских обществ по степени их стратифицированности (Sahlins M. D. Social Stratification in Polynesia. Seattle, 1958, p. 11).

³ Gifford W. Tongan Society. Honolulu, 1929, p. 18.

⁴ Народы Австралии и Океании (Серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М.: Изд-во АН СССР, 1956; Кабо В. Р. Становление классового общества у народов Океании. — Народы Азии и Африки, 1966, № 2; Равва Н. П. Общественный строй Таити (конец XVIII — начало XIX в.). — Народы Азии и Африки, 1966, № 1; Независимые государства Океании. М.: Наука, 1984; Бутинов Н. А. Социальная организация полинезийцев. М.: Наука, 1985.

⁵ Бутинов Н. А. Указ. раб., с. 13—14.

оснований, что это несословное понятие, означающее «лицо, стоящее выше кого-либо»). По данным А. Кепплер⁶, *муа эики* (или просто *муа*) называли лиц, которые, будучи эики (вождями), обладали титулом, характерным для *матапуле*. В работе Э. Ботт⁷ *муа* вообще не фигурируют. На наш взгляд, уже сама расшифровка данного понятия в приведенной схеме явно контрастирует с «ролевыми» значениями остальных стратов и подозрительно выделяется. Что касается слоя *матапуле*, то У. Гиффорд склонен видеть в нем всего лишь должность (хотя все же зачисляет в один из трех основных «классов» населения). А. Кепплер выделяет его как промежуточный класс между двумя основными: эики и *туа*. Согласно данным У. Маринера со смертью отца только старший сын *матапуле* становился *матапуле* и только старший сын *муа* становился *муа*, все же остальные наследники относились к более низким подразделениям. На наш взгляд, это делает ещё более сомнительным выделение *муа* и *матапуле* в качестве сословий, поскольку описанный механизм (принцип мужского первородства) связан на Тонга именно с обычаем передачи по наследству титула, т. е. должности. Кроме того, известно, что не существует такой генеалогической преемственности, как приведенная выше, между самой высокой категорией эики и следующей за ней *матапуле*: дети вождей вовсе не выпадают автоматически из страта, к которому принадлежат их родители. Хотелось бы думать, что все составляющие сословного комплекса должны подчиняться единому правилу. В таком случае категории *матапуле* и *муа* едва ли правомерно считать сословиями наряду с эики и *туа*. Если же справедливо мнение о четырехстепенном делении тонганского общества, то не следует, на наш взгляд, атрибутировать выделенные страты как сословия и тем более как касты, имея в виду, что описанный механизм рекрутирования социальных слоев не характерен ни для каст, ни для сословий.

Во-вторых, отмеченное противоречие в конкретной «сословно-кастовой» схеме не только не принимается во внимание, но на эту схему пытаются опираться. Например, делается неожиданный вывод о том, что *матапуле* суть вожди общин, а *муа* — главы домохозяйств⁸. Прежде всего данное утверждение носит произвольный характер, так как из тождества принципов наследования еще не вытекает тождество самих наследуемых форм. Кроме того, вывод Н. А. Бутинова не согласуется с фактами, поскольку *матапуле* составляют свиту вождей и селятся рядом с ними, а те живут, не будучи связаны с конкретными общинами. К тому же известно, что в тонганском языке существуют специальные термины *хингоа эики* и *хингоа матапуле*, означающие «титул вождя» и «титул *матапуле*». Есть вожди без титулов (*сино и эики*), точно так же не всякий *матапуле* титулован (в отличие от главы общины). Наконец, *хингоа матапуле* подразумевает отсутствие «политической власти»⁹, т. е. права иметь людей в подчинении, а такой властью всегда наделен глава общины.

Получается, что не различая в конкретной социальной структуре по крайней мере два самостоятельных пласта в виде сословий и титулов, можно прийти к ошибочным заключениям.

В-третьих, не случайно в бытующей у нас упрощенной схеме иерархических явлений полинезийской культуры имеет место смешение понятий. Общественный страт свободно именуется и кастой, и рангом, и сословием, и классом, и даже титулом! Однако каким бы нестрогим ни выглядел каждый из перечисленных терминов, все они, без сомнения, различны и не могут служить синонимами. Но сложившаяся ситуация помимо всего прочего свидетельствует о том, что наш предмет — сложный феномен, имеющий многоуровневую структуру; какие-то неучтен-

⁶ Kaepler A. L. Rank in Tonga.— Ethnology, 1971, vol. X, № 2, p. 179.

⁷ Bott E. Power and Rank in the Kingdom of Tonga.— The Journal of the Polynesian Society, 1981, vol. 90, № 1.

⁸ Бутинов Н. А. Указ. раб., с. 14.

⁹ Bott E. Op. cit., p. 10.

ные пласты так или иначе заявляют о себе, накладываясь или соседствуя с тем, что мы привычно выделяем.

* * *

Весьма наглядным примером для уточнения наших представлений об особенностях традиционных полинезийских обществ могла бы послужить иерархическая структура, бытовавшая у тонганцев¹⁰ и частью уже упоминавшаяся. Интересно, что, несмотря на повсеместное проявление ранжированности в тех или иных группировках людей, на Тонга не знали слова для обозначения ранга¹¹, а просто оперировали понятиями эики/туа, совпадавшими с двумя основными подразделениями всего населения. И хотя термин эики чаще всего переводят английским «chief», но, по словам весьма авторитетного информатора, королевы Салотэ Тупоу, первоначально он не носил того оттенка обладания властью, какой ему присущ в известной мере теперь, а означал человека аристократического происхождения¹². Отношение эики/туа, можно сказать, пронизывает все общественные связи тонганцев, при условии, однако, что существует не одна, а несколько шкал, к которым оно приложимо. Так, с точки зрения отношений на уровне *каинги* (кровнородственной группы, атрибутируемой как «билатеральная родня»), в нулевом поколении всякая женщина вне зависимости от возраста будет эики по отношению к мужчине (а он — туа); только после пола принимается во внимание абсолютный возраст (тут старший всегда выше рангом, чем младший). В +1-м поколении (+1 п.) действует иной принцип: патрилатеральные родственники обладают более высоким положением по сравнению с *Ego* (*E*), причем наивысший ранг у старшей сестры отца, остальные сестры — значительно ниже, и еще ниже — братья отца. Наоборот, все родственники со стороны матери считаются туа по отношению к *E*, при этом самый низкий ранг — у братьев матери, чуть выше — у ее сестер, но принцип возраста материнских сиблингов уже мало сказывается на поведении говорящего. В соответствии с указанным принципом в -1 п. дети сестры мужчины считаются старше его самого, его детей и детей его братьев (причем наивысший ранг — у старшей племянницы). Собственные дети и дети братьев — туа для *E*, но дочь несколько выше сына. В -2 п./+2 п. различия статуса почти нет, только внуки от дочери ценятся немного выше, чем внуки от сыновей¹³.

Разным рангам в среде родственников соответствуют и определенные поведенческие модели, которые не следует путать с моделями поведения в зависимости от классов родства, хотя они, конечно, взаимосвязаны. Мы имеем в виду, что в положение эики попадают несколько классов родства, но поведение, соответствующее каждому из них, будет иметь разные оттенки — от избегания, например, до «заботы о благосостоянии» или «уничуждения». Но параллельно с этим существуют-таки особые обстоятельства, в которых родственники (хотя и не все их классы) распределяются в соответствии с основным ранговым отношением. Так, на похоронах это принимает специфическую форму деления на две группы: *фаху* и *лионги*. Первые — те, кто старше, а вторые — те, кто считается младше умершего. Церемониальное различие заключается в том, что именно *лионги* приносят продукты для устройства пира, преподносят их *фаху* и сами затем готовят еду на всех; они не имеют права находиться в доме покойного; *фаху* же, напротив, могут оставаться в помещении, занимая место в головах гроба; на улице они образуют кружок пьющих каву. Дети присоединяются к *лионги*. Старшие параллельные сиблинги, дедушки с бабушками и внуки, а также свойственники умершего не по-

¹⁰ В последние десятилетия на Тонга велись интенсивные полевые исследования, что объясняется явной недостаточностью всех прежних сведений в области социальной организации архипелага.

¹¹ Bott E. Op. cit., p. 10.

¹² Ibidem.

¹³ Kaeppler A. L. Op. cit., p. 176.

падают ни в один из указанных разрядов и имеют право присоединиться на дворе к кому хотят. А. Кепплер и Э. Ботт несколько расходятся в том, кто именно из родни считается лионги, но в нашем случае этим можно пренебречь, так как все равно в целом сохраняется противопоставление патрилатеральных родственников матрилиатеральным и явное выделение среди отцовских родичей женской линии наследования, поскольку главным лицом среди фаху назначается либо сестра отца, либо кто-то из ее детей, либо кто-то из детей сестры покойного. На свадьбах и праздновании дня рождения годовалого ребенка фигура главного фаху — также необходимая составная часть ритуала. В повседневной экономической жизни можно зафиксировать периодический обмен продуктами и услугами в двух направлениях: от *Е* к группам, где живут его родственники по отцу, и наоборот, к *Е* — от каинги его матери¹⁴.

Итак, наивысшим рангом среди родственников обладают женщины. На это с удивлением указывал еще Дж. Кук. С удивлением, поскольку европейцу привычно было связывать самый высокий статус и с самой высокой должностью в стране, но даже священный вождь Туи Тонга уступал в этом смысле своей сестре Туи Тонга Фафине, а знатнейшей на архипелаге считалась дочь последней (*Тамаха*) в случае, если она рождалась от брака с мужчинами старшей ветви определенной генеалогической линии. А поскольку существовавшие на архипелаге генеалогии создавали стройную картину общего происхождения всех жителей от единого предка, то в принципе каждый человек мог определить степень своей знатности, проследив связи по рождению с указанными высокими особами. Хотя реально на уровне слоя туа уже не имело смысла этим заниматься. Вопрос о близости к Тамахе мог волновать только тех, кому приходилось спорить на тему «чей ранг выше». Поразившее Кука противоречие коренилось в том, что обрисованная только что система индивидуального ранга в каинге не была единственной: параллельно с ней существовала система наследования (имущества, права на руководящее положение, принятие решений, наконец, на титул), в которой женщинам (за редким исключением) уже не было места и которая основывалась на строгом принципе мужского первородства. Поэтому, например, сестры подчинялись братьям, а их более высокий статус сказывался — помимо церемониальной сферы — в том, что они могли надеяться на выполнение любой своей просьбы, однако распоряжаться и командовать не имели права. Власти у них не было. Самый старший сын наследовал все, становился главой семьи, заботился о братьях и сестрах (до их замужества, а после него всю жизнь опекал их и детей в их новых группах, даря первые плоды урожая и делая другие подношения). Матери наследовали, только если у той не было братьев, но и тогда считалось, что все идет от деда (т. е. сохранялась «патрилинейная эмфаза»)¹⁵. В тонганском языке есть и особый термин *пуле*, переводимый как «authority» и означающий право на руководство. Человек, обладающий пуле, может рассчитывать на поддержку со стороны тех своих родственников, которые пуле лишены. Естественно, что в числе последних оказываются матрилиатеральные родственники, а мужчины с отцовской стороны характеризуются одновременно и как пуле, и как эики. У сестер пуле нет.

Мы видим, что шкалы абсолютных градаций, на которых строятся отношения: эики/туа и пуле/не пуле, — очень похожи и почти совпадают. Они строятся на одной и той же основе: на терминологии родства, — но отбор конкретных категорий происходит в них по-разному. Это-то и позволяет говорить о наличии двух иерархических подразделений на уровне системы родства. Тут уместно было бы, как нам кажется, отметить одну особенность. По данным многочисленных наблюдателей, в 60-е годы нашего века на Тонга еще в ходу были описанные выше нормы, хотя тип системы терминов родства (СТР), по свидетельству М. В. Крюкова, последовательно менялся, и фазы этих изменений, к счастью, фиксирова-

¹⁴ Kaeppler A. L. Op. cit., p. 179.

¹⁵ Kaeppler A. L. Op. cit., p. 178.

лись на протяжении примерно ста лет. В результате из ирокезской по типу тонганская система терминов превратилась в классическую гавайскую¹⁶. И если уже к 1914 г. отмечался единый термин для кузенов и сиблингов, а в 1920-х годах не выделялись перекрестные ниблинги мужчины, — то мы можем констатировать на довольно значительном отрезке времени явную консервативность ранговых представлений по сравнению с лабильностью СТР: ведь часть обрисованных нами поведенческих моделей в отношении кровных родственников свидетельствует о том, что они прямо соответствуют СТР ирокезского типа с ее принципом бифуркации (для всех тех, кто ныне является претендентом на роль фаху в церемониях, в прошлом имелись терминологические соответствия; как класс родства они уже не фигурируют, зато остаются денотатами ранговых категорий). Указанный феномен, разумеется, нуждается в осмыслении с учетом многих обстоятельств исторического плана.

Помимо дифференциации населения Тонга на уровне кровнородственных подразделений западные авторы (Кепплер, Корн, Ботт) выделяют еще уровень общества в целом (расходясь при этом в конкретных дефинициях и терминах)¹⁷. Одну из форм такого рода деления мы уже упоминали. С. А. Токарев в работах 1956—1958 гг. справедливо указывал, что механизмом образования «резко разграниченных рангов», «по существу, общественных классов», являлась сегментация генеалогических линий на старшие и младшие ветви¹⁸. Одновременно он отмечал как особенность «текучесть каст».

М. Д. Салинс предложил классифицировать формы стратификации, выделив как наиболее распространенную — «рэмиджную систему» (или иначе «коницкий клан»), «систему десцентных линий» и организацию, характерную для атоллов, с различными вариантами сочетания первых двух форм¹⁹. В конкретном случае с Тонга интересно, что автор в качестве типичного рэмиджа рисует так называемый *хаа*, тем самым характеризуя его как «внутренне ранжированную сегментированную унилинейную родственную группу, действующую и как политическая единица»²⁰. Именно совокупность *хаа* в идеале должна составлять единый рэмидж в масштабе всего общества и порождать в силу принципа первородства деление на индивидуальные ранги. При этом последние на уровне одного поколения должны равномерно убывать относительно фигуры верховного вождя по мере нарастания коллатеральности. Однако, говорит М. Д. Салинс, реально все выглядит несколько иначе, и независимо от степени удаленности возникают непропорционально высокие ранги, соответствующие прямым линиям наследования уже в самих отдельных *хаа*, которые как бы демонстрируют самостоятельность и самооценку своей собственной сегментации.

Автор никак не объясняет причины, лежащие в основе такого противоречия между «теоретическим» и «действительным» рангом — ситуацией, характерной, по его словам, для большинства полинезийских обществ²¹. Но, возможно, тут кое-что могла бы прояснить иная трактовка института *хаа*. Так, А. Кепплер, соглашаясь с тем, что *хаа* — рэмидж, называет его группой, образованной держателем титула, его потомством, а также потомством прежнего держателя титула²². Ботт высказывается категоричнее, считая *хаа* всего лишь системой титулов²³. Титулы эти представляют результат коллатеральной сегментации от титула первого Туи Тонги. Кепплер призывает отличать деление на вождей и простолюди-

¹⁶ Крюков М. В. Полинезийские системы родства как этногенетический источник. — В кн.: Австралия и Океания (история, экономика, этнография). М.: Наука, 1978, с. 123—124.

¹⁷ Bott E. Op. cit., p. 77—78.

¹⁸ Токарев С. А. Происхождение общественных классов на островах Тонга. — Сов. этнография, 1958, № 1, с. 125—126.

¹⁹ Sahlins M. D. Op. cit., p. XII.

²⁰ Ibidem.

²¹ Sahlins M. D. Op. cit., p. 142.

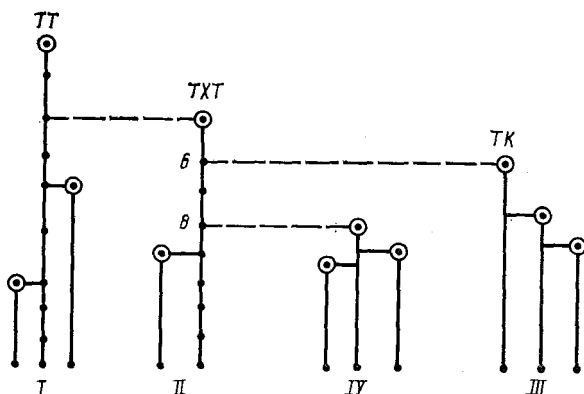
²² Kaeppler A. L. Op. cit., p. 179.

²³ Bott E. Op. cit., p. 27.

нов, с одной стороны, от деления на хаа (рэмиджи) — с другой. Основание для смешения она видит в том, что и эики, и туа в состоянии проследить свои родственные связи с хаа²⁴. Ботт же отрицает причастность всех туа к системе хаа как сугубо «политическому институту». Думается, что эта точка зрения более справедлива и что система хаа вряд ли может считаться аналогом единого рэмиджа, генеалогического дерева, объемлющего все население. Скажем, титулы матапуле, образующие четыре самостоятельных хаа, никак не связаны генеалогически с вождескими титулами, им приписывается либо автономное небесное, либо самоанское происхождение. Есть такие случаи, когда неизвестны корни и среди вождеских хаа. Некоторые хаа (например, Фалеуа, считающийся происходящим от единокровного брата Туи Тонга), не являются подчиненными более старшим рэмиджам. Реальные родственные отношения между носителями титулов не имеют ничего общего с теми терминами родства, которыми они друг друга именуют. Последние призваны выразить и в удобной форме закрепить возникшую в момент отпочкования титульную субординацию как внутри отдельного хаа, так и между ними. Более того, часто обладатели «родственных» титулов вообще чужие люди, и в своем хаа они не связаны родством с потомками прежнего держателя титула. История Тонга знает случаи, когда некоторые хаа исчезали, несмотря на то, что живы были наследники. Исчезали из-за того, что кому-то удавалось элиминировать высокий титул. Создавались новые титулы для поверженных соперников и искусственно присовокуплялись к чужим хаа более низкого ранга. Все дело в том, что титулы не только наследуют, но и получают. Тут возможен произвол. Особенно это сказалось уже после создания королевства Тонга и принятия Конституции, которая узаконила существование «нетрадиционных» вождей с титулами; но, без сомнения, тенденция существовала и прежде.

Сложившаяся у тонганцев система хаа представляется еще одним самостоятельным иерархическим уровнем в их социальной структуре, и, вероятно, именно здесь кроется причина замеченного Салинсом несоответствия. Не являются ли представления о «действительном ранге» результатом наложения ранга хаа на теоретически возможный? Показательным нам тут кажется один факт. Хаа Нгата, из которого вышли будущие короли Тонга, носители титула Туи Канокуполу (ТК), не считался старшим, а был сегментом Хаа Такалауа, высший титул которого — Туи Хаа Такалауа (ТХТ) — принадлежал светскому владыке Тонга. Этот хаа происходил от самого знатного Хаа Туи Тонга и в свою очередь продолжал на протяжении многих поколений образовывать сегменты. В борьбе за власть над архипелагом, которая почти никогда не утихала, линии ТК удалось выйти на первое место в политической жизни, но это вопреки ее более низкому рангу. Борьба велась не только с соперниками, но и с титулами: так, после смерти в 1799 г. 15-го ТХТ линия Хаа Такалауа прекратилась, и, чтобы снять проблему, возникавшую в связи с тем, что живы были потомки — претенденты на звание ТХТ (более высокое, нежели у правящих вождей), — им придумали новый титул Тунги, который присоединили к Хаа Ваеа, сегменту, отпочковавшемуся от 8-го ТХТ. Ясно, конечно, что Тунги при этом по рангу своего хаа значительно отбрасывался назад, переходя в сегмент более мелкого порядка, однако с позиции Салинса можно было бы считать, что принадлежность к Хаа Ваеа все-таки по-прежнему возносит новый титул выше ТК, поскольку Хаа Нгата отделилась от Хаа Такалауа в бытность 6-го ТХТ и, следовательно, ее представители находятся дальше от прямой линии, т. е. степень их близости к «материнской» хаа меньше. Но в том-то и дело, что аргумент о ранговом преимуществе недавней сегментации и близости к старшей линии расценивался тонганцами диаметрально противоположно: прежде возникшая коллатеральная линия почиталась выше той, которая обособилась позже! Мы усматриваем в этом серьезное свидетельство того,

²⁴ Kaeppler A. L. Op. cit., p. 180.

Определение ранга по старшинству линии и по степени коллатеральной удаленности от носителя верховного титула

Сплошная линия — титульная система (хаа) по типу «конического клана». Пунктир — линия отпочкования нового сегмента. Кружки с точкой — титулы (ТТ — Туи Тонга; ТХТ — Туи Хаа Такалауа; ТК — Туи Канокуполу и др.). Точки — носители титула. Арабские цифры — порядковые номера носителей титулов в данной линии. Римские цифры — названия некоторых хаа: I — Хаа Туи Тонга; II — Хаа Такалауа; III — Хаа Нгата; IV — Хаа Баеа

что правило счета ранга хаа (назовем его сегментным) отличалось от того, что Салинс называет «теоретическим рангом» в рэмидже.

Очевидно, оставаясь в рамках принципа генеалогического старшинства (первородства), можно обнаружить как минимум два способа его учета. Они зависят от выбора точки отсчета на прямой линии: либо ориентация идет на первопредка, и тогда самое главное — старшинство боковых ветвей в смысле хронологической очередности их возникновения (именно так, на наш взгляд, определяли сегментный ранг на Тонга: наивысший — при условии дробления одной и той же линии — принадлежал самому древнему хаа); либо точкой отсчета становится фигура здравствующего верховного вождя, и ориентироваться надо на степень коллатеральной близости с ним. Тут идут в ход представления, работающие в привычной для нас системе родства: все зависит от числа людей, составляющих цепочку связей по рождению и соединяющих *E* с *Alter* (*A*). Чем ближе родственник по степени коллатеральности, тем выше его ранг, чем дальше по количеству «шагов» отстоит от *E* и *A* их общий предок, тем, наоборот, ниже ранг *A* (нечто противоположное первому способу). Такого рода ранг приложим уже к отдельному индивиду. Вслед за Салинсом можно называть его теоретическим. Он должен носить, кроме всего прочего, относительный характер, так как при смене поколения вождей коллатеральная удаленность будет возрастать. В этом смысле сегментный ранг можно характеризовать как абсолютный.

Всё вышесказанное, на наш взгляд, свидетельствует в пользу того, что институт хаа не является аналогом рэмиджа, т. е. не совпадает с реальным кровнородственным коллективом. Это — кланоподобный феномен. Совокупность хаа даёт нам как бы срез конического клана на уровне сегментов, тем самым представляя собой всего лишь модель генеалогического древа, но не само дерево.

Сегментный ранг имел очень важное значение, так как определял всю управленческую структуру архипелага: направленность отношений распределения и перераспределения, а отсюда и особенности политической борьбы, и наряду с другими моментами брачную тактику вождей. В сознании же островитян этот иерархический пласт отлился в форме церемонии питья кавы, когда все титулованные особы усаживались в кружок в строго определенном порядке и торжественная раздача напитка происходила в точном соответствии со шкалой званий. Любые попытки какого-нибудь участника изменить порядок, сославшись на свой

более высокий личный статус (но сложившийся на другой основе), неизбежно отклонялись как покушение на принцип.

Стереотипы поведения с постоянным учетом иерархического момента были как бы многоуровневыми, но путаницы не происходило, потому что определенные формы различения старшинства привязывались и к определенным ситуациям. О похоронах, свадьбах и других обрядах жизненного цикла уже упоминалось. Специфика церемонии кавы тоже очевидна, хотя в этом обряде прослеживается не один пласт: в частности, разделение круга на левую — «низкую» и ассоциирующуюся с матерью, и правую — отцовскую половины символизирует ранговое деление в рамках каинги; а когда, например, перед знатными участниками церемонии (по особому случаю, вроде коронации) кладут свиную тушу и начинают делить, то делается это не просто для еды, а с ритуальными целями: обладающий более высоким личным рангом должен отнять кусок у своего соседа²⁵.

Показателен и пример с танцами: Хаа Фалефиси стоит на две ступени ниже Хаа Туи Тонга, и поэтому его представители не имели права в круге кавы сидеть рядом со священным вождем; тем не менее жители деревни, где обитал вождь Туи Хаатеихо (из Хаа Фалефиси) никогда не стали бы оказывать почет Туи Тонга, танцуя перед его домом. Напротив, люди ТТ устраивали танцы перед Туи Хаатеихо. Объяснялось это тем, что Хаа Фалефиси возник от фиджийца, женившегося на сестре 29-го ТТ, и, таким образом, представители этой линии обладали более высоким по сравнению с ТТ личным рангом²⁶. В наши дни имеет место похожая ситуация: человек может быть, например, богатым, но с низким личным рангом; или очень знатный аристократ, владелец важного титула, может оказаться на «нижней стороне» (*лионги*) во время похорон женщины гораздо более низкого ранга, чем его собственный²⁷.

* * *

Если попытаться подвести итоги, то мы увидим, что тонганское общество являет собой, с точки зрения иерархических представлений, многомерную систему. Уже в ранних источниках, начиная с Кука, и у позднейших исследователей мелькают свидетельства, которые можно истолковывать как указания на недостаточность, неоднозначность выделения на Тонга только сословий (например, фиксация индивидуального ранга). Однако до поры до времени эти факты воспринимали скорее как экзотические подробности. В таком же виде застает состояние вопроса и на страницах отечественной этнографической литературы, — только еще и запутанным, поскольку здесь недифференцированными выступают понятия «ранг», «сословие», «каста». В одной из последних работ читаем: «Ранг или титул человека определялся его должностью». А несколькими строками ниже: «Рассаживались в совете они строго по рангу, руководствуясь генеалогиями»²⁸. Кстати сказать, в англоязычной литературе давно утвердилась практика различения понятий, выражающих (хотя и под разными терминами), с одной стороны, деление общества на страты, с другой — неповторимую генеалогическую характеристику каждого человека. Так, для М. Д. Салинса — это «статусные уровни», противопоставленные «рангу»/«статусу»²⁹. Что касается А. Кепплера, то она тоже не дифференцирует термины «ранг» и «статус», однако, употребляет их скорее в смысле социальной градации любого типа, но всё равно сословное деление и тут выражено особым термином «класс»³⁰. И. Голдман, правда, такого различения не проводит, но оперирует терминами «ранг» (генеалогически обусловленное право на занятие должности) и «ста-

²⁵ Kaeppler A. L. Op. cit., p. 189.

²⁶ Ibid., p. 181.

²⁷ Bott E. Op. cit., p. 71.

²⁸ Бутинов Н. А. Указ. раб., с. 204.

²⁹ Sahlins M. D. Op. cit., p. X.

³⁰ Kaeppler A. L. Op. cit., p. 177, 179.

тус» (право, приобретаемое за счёт сознательных усилий индивида)³¹. Э. Ботт под «рангом» имеет в виду «качество, от которого зависит уважение и различие, и которое наследуется от родителей»³².

В работах двух из указанных авторов уже осмысливается многомерность тонганского социального феномена. С разницей в 10 лет предложены следующие схемы:

Кепплер призывает различать «общественный статус» (I), основанный на прослеживаемых кровнородственных связях, и «социальное ранжирование» (II). Первое подразделяется на «*ранжирование в каинге*» (учет возраста, пола и того, по отцу или матери индивид считает происхождение) и «*наследование в каинге*» (учет мужского первородства в патрилинейной группе). Второе — на «*ранг хаа*» (сегментация от линии ТТ) и «*классовый ранг*» (генеалогия индивида по отцу и матери)³³. Э. Ботт, критикуя Кепплер за ее терминологию, делает несколько замечаний и по существу, указывая, что выделение «ранга в каинге» неоправданно сужает принцип до маленькой родственной группы, в то время как фактически он расширяется до пределов общества в целом (имеются в виду родственные узы между верховными вождями, бывшие одновременно политическими узами в рамках страны); что, кроме того, принцип «ранга хаа» проявляется в маленькой родственной группе в форме авторитета и уважения, гарантированных патрилатеральным родственникам во главе с отцом³⁴.

Собственная концепция Э. Ботт сводится к тому, что «власть» и «ранг» одновременно сосуществуют в двух измерениях: домашнем и политическом. Принцип родства, формулируемый как «когнатный, но со скрытыми патрилиниджами», действует одинаково и там, и там. Однако это не мешает Э. Ботт все же вводить различители в виде терминов «ранг по родству» и «личный ранг», что должно соответствовать уровням семьи и общества в целом. Сложность тонганской стратификации происходит, на ее взгляд, от взаимодействия «титолов, власти и личного ранга»³⁵. А. Кепплер настаивает на четырех типах ранга, каждый со своей собственной комбинацией принципов³⁶.

Хотя формально наше мнение совпадает с точкой зрения Ботт, и мы считаем ошибкой со стороны Кепплер, что в ее схеме не выделяется уровень «личного ранга», однако мы это делаем по совсем иным мотивам. Если же взглянуть на дело с точки зрения Э. Ботт, считающей «личный ранг» только результатом экстраполяции «ранга по родству» и видящей в них единую структурную основу, то более логичной была бы именно позиция Кепплер: единый принцип — единое понятие. Таким образом, критическое замечание Э. Ботт мы считаем непоследовательным.

И тем не менее выделение здесь двух типов ранга представляется необходимым в силу именно принципиального их несходства. То, что называют «рангом по родству» или «статусом в каинге», тесно связано с системой терминов родства (как об этом уже упоминалось выше) и носит точно такой же относительный характер, как и СТР в силу ее эгоцентричности: один и тот же человек в принципе может называться любым из половин имеющихся в номенклатуре терминов родства — все зависит от того, с кем он вступает в контакт. Отсюда и несколько ролей у каждого (при любом типе СР). А если к тому же в данном обществе принято ранжировать классы родства, то неизбежным следствием этого будет нестабильность, или неоднозначность «статуса в каинге». Напротив, то, что называют «личным рангом», имеет совершенно иной характер (мы бы назвали его абсолютным). Именно к нему относятся многочисленные указания наблюдателей на то, что подобный социальный «ранг» неизме-

³¹ Goldman I. Status Rivalry and Cultural Evolution in Polynesia.— Amer. Anthropol., 1955, vol. 57, № 4, p. 683.

³² Bott E. Op. cit., p. 10.

³³ Kaeppler A. L. Op. cit., p. 174, 188.

³⁴ Bott E. Op. cit., p. 78.

³⁵ Bott E. Op. cit., p. 72.

³⁶ Kaeppler A. L. Op. cit., p. 188.

нен от рождения до смерти и не зависит ни от каких жизненных перипетий. Стабильность «абсолютного ранга» зиждется на абсолютном — в сравнении с совокупностью классов родства — характере его шкалы: это генеалогическое дерево. В различии шкал — вся суть различия выделенных типов ранга. Названия «относительный» и «абсолютный», собственно, и касаются только «типов ранга», зависящих от типа шкал. Ранг же, рассматриваемый как точка шкалы, за исключением крайних, — всегда относителен.

Нам кажется целесообразным, имея в виду многоуровневые иерархические системы, характерные для традиционных обществ Полинезии и рассмотренные, в частности, на примере Тонга, выделить понятие ранг (ранговые структуры), призванное выразить специфику более широкого понятия «иерархия». Специфика эта, на наш взгляд, заключается в том, что универсальная оппозиция «старший/младший» строится здесь исключительно на материале реальных или мифических кровнородственных связей³⁷ (связей по рождению). Представление о существовании рангового принципа социальной иерархии, или того, что принято называть генеалогическим старшинством, — помогло бы обнаружить, вычленив, дифференцировать конкретные формы его проявления и типы. Это представление могло бы помочь в уточнении вопроса о формационной принадлежности некоторых обществ, поскольку понимаемый указанным образом «ранг» исторически обусловлен и преходящ. Потенциально возможными направлениями исследований в этой области можно было бы представить поиски наиболее ранних форм существования ранговых структур и выяснение их генезиса; кроме того, интересную возможность одновременно проверить и уточнить наши представления о различной обусловленности ранговых форм могли бы дать наблюдения за сегодняшней социальной действительностью Полинезии, способной продемонстрировать в динамике процесс отмирания этих форм: сложность ранговых структур позволяет надеяться, что они исчезнут не единовременно.

Мы не ставили здесь своей задачей дать подробную характеристику традиционных общественных институтов, но лишь рассмотрели некоторые из них в той мере, в какой это могло бы помочь при обосновании общего вывода о сущности понятия ранг и о вариативности его форм. Эти последние, в конкретном случае Тонга, можно было бы обозначить как «сословный» ранг, «сегментный» и «индивидуальный», двух типов: относительного и абсолютного.

³⁷ И. Голдман на массе примеров показал, что при узурпации власти широко бытовала практика перекройки генеалогий. Тем самым структурные основания ранговой системы оставались незыблемыми.